

ПЕТРАРКА И КУЛЬТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ЭПОХИ (ПО ТРАКТАТУ "О СРЕДСТВАХ ПРОТИВ ПРЕВРАТНОСТЕЙ СУДЬБЫ")

В статье анализируется цикл диалогов из трактата первого гуманиста эпохи Возрождения Петрарки (1304-1374) на эстетические темы: "О великолепии строений" ("De magnificentia aedium"), "О дорогой обстановке" ("De supellectili preciosa"), "О коринфских вазах" ("De vasis Corinthiis"), "О бокалах из драгоценных камней" ("De gemmarum poculis"), "О картинах" ("De tabulis pictis"), "О статуях" ("De statuis"). Выявляется адресация диалогов (знать, городская верхушка, правители, интеллектуалы), престижные, социальные и эстетические мотивы приобретения дорогих домов, мебели, драгоценных изделий; отмечаются авторские приемы Петрарки, делается вывод о формировании тяги к красоте как важной части культурной жизни разных слоев итальянского общества эпохи.

In the article a series of dialogues on esthetic topics from the treatise of the first humanist of the Renaissance Petrarch (1304-1374): "On the magnificence of buildings" ("De magnificentia aedium"), "On expensive furniture" ("De supellectili preciosa"), "On vases of Corinth" ("De vasis Corinthiis"), "On gem glasses" ("De gemmarum poculis"), "On paintings" ("De tabulis pictis"), "On statues" ("De statuis") is analyzed. Dialogues' addressees (noblemen, town authorities, rulers, intellectuals) and prestigious, social and esthetic motives of buying expensive houses, furniture, and precious things are revealed; the author's methods are noted; a conclusion on the formation of taste for beauty as an important part of the cultural life of different layers of the Italian society of that epoch is drawn

Среди латинских сочинений итальянского поэта и гуманиста Франческо Петрарки (1304-1374) одно до сих пор стоит особняком: это обозначенный в заголовке статьи трактат, латинское название которого "De remediis utriusque fortunae". Он то кружил головы всем книголюбам три века, то оказывался почти забытым, то объявлялся совершенно средневековым, то назывался одним из самых зрелых ренессансных произведений Петрарки. Уже это показывает, что сочинение таит в себе загадки и противоречия, порождающие столь противоположное отношение и столь разные оценки. Думается, что далеко не все ключи к разгадке его тайн и смыслов найдены и к сегодняшнему дню.

Как кажется, какие-то из них можно пытаться отыскать, поставив специальный вопрос о жанре и адресации сочинения. Дело в том, что оно сильно отличается от других латинских текстов гуманиста. Те написаны либо на какую-то большую и единую тему ("Об уединенной жизни", "О благочестивом досуге"), либо в жанре философской автобиографии ("Моя тайна"), либо в жанре истории ("О знаменитых мужах", "О достопамятных делах"), либо в жанре инвективы (Инвективы против врача", "Инвектива против некоего человека высокого положения, но малой учености и добродетели", "Инвектива против того, кто хулит Италию", "О невежестве своем собственном и многих других"). Этот же трактат распадается на десятки отдельных тем, изложенных в форме диалогов, адресованных очень широкому кругу читателей, как удаётся выяснить – от сервов (т.е. лично зависимых людей и домашних слуг), рядовых горожан до знати, королей, пап, императоров. При этом автор ставит целью поднять все возможные вопросы повседневной жизни, чтобы читатель имел текст под рукой, словно некое лекарство, способное облегчить любую жизненную боль или беду, утешить, наставить, приободрить, но и – заставить задуматься, одернуть, вернуть на грешную землю. Иными словами, диалоги вбирают в себя повседневные представления современников Петрарки, их ментальные установки, их ценностные ориентиры, а не только гуманистические рассуждения в жанре этико-философского сочинения о высоких материях.

Они интересны именно своей живой и непосредственной связью с обществом, прежде всего, как можно понять, городским, и тем, что позволяют услышать самые разные голоса представителей этого общества. Среди многого другого – в отношении представлений о красоте и эстетических предпочтениях.

По меркам, которые можно приложить к творческому труду Петрарки, работавшему над своими текстами десятилетиями, трактат был написан на одном

дыхании: между 1354-1360 гг. Потом гуманист правил и добавлял его еще несколько лет и окончательно завершил в 1366 году. Получилось огромное произведение из 254 диалогов, каждый из которых имеет объем от 1-2 до 15-20 страниц текста современного формата. По тематике диалоги можно объединить в несколько циклов. К одному из них – на темы культурных пристрастий современников гуманиста – мы и обратимся в данной статье.

В литературе, насколько можно судить, этим циклом пока не занимался никто из исследователей. Но в изучении трактата в целом за последние два десятилетия сделано немало. Как показали симпозиумы, посвященные 700-летию юбилею Петрарки (2004), только его латинским творчеством ныне занимаются десятки исследователей. В составе десяти-пятнадцати самых известных авторов последней четверти XX-начала XXI вв., чьи труды, вслед за многими книгами американца Э.Х. Уилкинса, шаг за шагом проливают все более глубокий и разносторонний свет на Петрарку и его ученую прозу, в том числе и на интересующий нас трактат, нельзя не назвать Дж. Биллановича (Billanovich, G.), А. Бернардо (Bernardo, A.), Дж. Велли (Velli, G.), М. Фео (Feo, M.), Э. Биджи (Bigi, E.) У. Дотти (Dotti, U.), Н. Манна (Mann, N.), Т. Кейкча (Cachey, Th.), Фр. Рико (Rico, Fr.), Ж. Марголена (Margolin, J.C.), Ф. Вагнера (Wagner F.), М. Ариани (Ariani, M.), М. Сантатату (Santagata, M.), К. Равски (Rawski K H.), Кр. Карру (Carraud Ch), К. М. Монти (Monti C.M.), М. Петолетти (Petoletti M.), К. Берра (Berra, C.), Л. Маркоцци (Marcozzi, L). О проблематике, которая ныне интересует исследователей, хорошее представление дают сами материалы многочисленных конгрессов, прошедших в 2004 году [1].

Кроме того, много интересных работ публикует Институт Петрарки в Милане (проф. М.С. Таруджи) [2]; важные исследования появляются также на страницах разных периодических изданий и научных сборников [3].

Много концептуальных и содержательных материалов, связанных с творчеством Петрарки, содержится в исследованиях русских историков, филологов и филологов разных поколений и школ: М.С. Корелина, А.Н. Веселовского, М.О. Гершензона, А.К. Дживелегова, М.А. Гуковского, А.Х. Горфункеля, С.М. Стама, М.Л. Абрамсон, Л.М. Брагиной, Р.И. Хлодовского, Н.В. Ревякиной, Л.М. Баткина, В.В. Бибикина, О.Ф. Кудрявцева, Е.Г. Рабиновича, В. Микушевича, М.Л. Андреева и др. На стезе переводов диалогов трактата "О средствах против превратностей судьбы" на русский язык больше всего сделано Л.М. Лукьяновой.

Что касается трактата "О средствах против превратностей судьбы", то анализа содержания не только интересующего нас цикла, но сочинения во всей полноте еще никто не предпринимал. Одновременно можно отметить серьезную работу современных ученых над переводами, комментариями, выявлением текстологических особенностей трактата. Думается, что здесь больше всего сделано Кр. Карру и его коллегами. Они взяли за основу изданный в Кремонне в 1492 г. текст трактата, провели огромную работу по его научной выверке и переводу на французский язык, созданию обширных, добротных комментариев [4].

Двухтомное издание организовано по принципу последовательности: в первой книге опубликован латинский и французский вариант текста и некоторые минимальные пояснения или отсылки, во второй – две большие вступительные статьи [5] и специальные разделы к каждой из двух книг сочинения [6]. Первый раздел посвящен в основном проблемам датировки трактата, истолкованию названия и некоторым наблюдениям над спецификой использования Петrarкой диалогической формы; второй – характеристике очень сложного и полемического по характеру "Предисловия" ко второй книге. Затем следуют комментарии к каждому диалогу трактата. В них содержится материал филологического характера, связанный с выявлением цитируемых гуманистом авторов и произведений, уточнением существующих в литературе мнений и выводов, большой пласт фактологических и терминологических пояснений, особенно – по поводу упоминаемых политических или военных деятелей разных эпох.

Интересующие нас диалоги по тематике можно разбить на три группы: тексты об отношении к красивым жилищам, их обстановке и украшениям, драгоценным камням и изделиям из них, художественным произведениям (картинам, изваяниям). Сама тематика заставляет прежде всего поставить вопрос, представляем ли каких групп общества адресованы диалоги. Поясним, что в данном цикле в разговорах участвуют Радость (Gaudium) и Разум (Ratio)- вымышленные персонажи, заимствованные у стоиков; по признанию большинства исследователей в уста Разума Петрарка чаще всего вкладывает собственные мнения и оценки. Диалог, связанный с жилищем ("О великолепии строений", XXXIV), выказывает Радость как персонажа, который говорит от лица владельцев построек разного социального и имущественного статуса: то перед нами просто "собственник постоянного жилища", или "светлого просторного дома", то обладатель "великолепных строений" с "обширнейшими покоями", а то хозяин "царских покоев" [7]. Значит, диалог обращен и к относительно широкому слою общества, и к представителям его верхушки и даже носителям высшей власти.

Диалог "О дорогой обстановке" (XXXVI) не позволяет так точно обозначить статус тех, кто стоит за репликами Радости. Из него ясно лишь одно: речь идет от лица богатого человека, который может позволить себе "неизмеримое количество мебели", что так поступает "избалованные богачи" [8]. Текст "О коринфских вазах" (XLII) также не содержит прямых указаний на адресатов [9]. Из него можно только понять, что стоили такие вазы огромных денег, и, следовательно, их обладателями могли стать только очень богатые люди. Если иметь в виду те примеры, которые приводит Разум, то среди обладателей ваз в эпоху римской истории были императоры, полководцы, сенаторы и т.д. Можно думать, лица подобного статуса могли подразумеваться Петраркой и для его эпохи.

Диалоги, связанные с темой драгоценных камней, если судить по их примерам, имеют тот же круг адресатов; ко всем характеристикам здесь добавляется несколько раз слово "роскошь", которое тоже указывает на богатство тех, от имени которых Радость заявляет о своей любви к камням и изделиям из драгоценных камней [10].

Пожалуй, самых "неопределенных" адресатов имеют диалоги "О картинах" (XL) и "Об изваяниях" (XLI), так как в них Радость признается в них больше всего в своем восхищении (наслаждении) картинами или статуями [11]. По контексту можно понять, что имеется в виду и покупка произведений искусства, то есть вновь среди адресатов должны быть люди состоятельные, богатые. Прямо Разум указывает только на людей "образованных".

Итак, в целом адресатами и подразумеваемыми собеседниками Разума могли быть лица из городской и властной среды, обладающие значительным состоянием, богатые и очень богатые.

Какими же видятся Петрарке их причины тяги к названным объектам, вкусы, культурно-эстетические пристрастия? Если начать со зданий, построек, то причин обнаруживается несколько. На первом месте – престиж: Разум в ответ на счастливое восклицание Радости: "У меня есть великолепные строения" соглашается: "Да, дом должен придавать достоинство владельцу". Очевидно, именно осуществившееся стремление не уронить себя в глазах равных, и выделиться среди остальных переполняет Радость особыми чувствами: во всех его восклицаниях гордость, радость и счастье обладания "великолепнейшими строениями". Среди характеристик самого "великолепия" – большие размеры ("обширность", "просторность"), обилие света, красота.

Иными словами, желание иметь великолепный дом проистекает не только из престижных мотивов, оно выказывает эстетические потребности, а также сформировавшийся вкус к просторному и удобному жилью. Это "воспитание чувств" не могло не иметь своей "истории", связанной с историей успешного предпринимательства или использования власти, скорее всего, не в одном поколении. Другие тексты позволяют добавить аргументов относительно привычности богатства для тех, о ком диалоги. Так, в диалоге "О бокалах из драгоценных камней" Радость как о чем-то обычном говорит, что ему "нравится пить из драгоценных бокалов" или что он "охотно пользуется бокалами из хрусталя". А в разговоре о коринфских вазах даже подчеркивает, что "жадно пользуется коринфскими сосудами". Названные предметы явно не только вложение денег или демонстрация богатства, но уже и утонченный образ жизни.

Если оглянуться еще раз на дома и дворцы, то к расходам на архитекторов, на красивые украшения могли подталкивать и примеры сограждан, правителей, епископов. А следствием становилось вкладывание значительных средств в постройки, которые со времени Петрарки и донны *украшают* города Италии, вроде дворцов Питти во Флоренции или Висконти в Милане. В данном случае частное богатство шло на пользу красоте и славе городов. Возможно, именно поэтому Разум-Петрарка высказывает меньше всего критических замечаний в отношении владения красивыми домами, хотя, конечно, не обходится без напоминания о том, что они – "временная обитель". Поэтому предлагается поменьше гордиться "своей тюрьмой" и не забывать, что "с уходом из светлого и просторного дома" всякий его обитель получит "дом темный и тесный".

Данные рассуждения обнаруживают один из типичных для диалогов трактата приемов Петрарки, который условно можно назвать "сменой регистров": от рассу-

дений о повседневном и земном он в конце вдруг круто разворачивает к заботам о духовном и небесном, т.е. переводит разговор в другую плоскость. Или намеренно обозначает, что не бывает разных плоскостей, и мысль о спасении души должна определять размах и характер земных забот человека. Если это так, то Петрарка как наставник и советчик, как врач, знающий, что есть такое подобающий образ жизни, выглядит много благочестивее и умереннее, чем те адресаты, которых он взялся нравственно сдерживать, поддерживать или надлежало ориентировать. Иными словами, ценностные установки и представления верхушки городского общества, а также власть имущих, о достойном образе жизни, гораздо прочнее связаны с земными благами и стремлением достойно позиционировать себя в ближайшем окружении и глазах более широкого сообщества, чем с высокими духовными благами, традиционно ожидаемыми от добродетельной жизни.

Нельзя не отметить также еще один, последовательно выдержанный в интересующих нас текстах момент: гуманист устами Разума реагирует на реплики Радости "от противного" (единственное исключение – приведенная выше нейтральная реплика в рассматриваемом диалоге о том, что дом должен подчеркивать достоинство владельца). Аргументы чаще всего носят этический или психологический характер. Например, что в красивых дворцах правителей часто обитают страдания и скорби, а в хижинах бедняков покой и радость. Как видим, тема переходит с постройки на обитателей и обстоятельство их жизни. Что важно обозначить здесь Петрарке? Что само по себе великолепное строение не изменяет нравов его хозяев, равно как и их взаимоотношений. Что дом – это ценность низшего порядка по сравнению с состоянием души и чувств, эмоциональной составляющей жизни рода, семьи и каждого в нее входящего. Такая позиция близка к стоической, хотя автор далеко не всегда прямо призывает в авторитеты Сенеку или кого-то другого из этого ряда. Петрарка здесь и в других диалогах обнажает отсутствие прямой связи между богатством, материальным благополучием и душевным спокойствием и комфортом. И полагает, что второе для человека и его счастья гораздо важнее, чем первое. В этом он явно расходится с теми, о ком ведут беседу его персонажи.

Вернемся к заботам и пристрастиям Радости. Ближе всего с темой жилища связана дорогая обстановка, которой посвящен отдельный текст. Радость заявляет там раз за разом, что в его просторном и прекрасном доме "особенная обстановка", что у него "много разной мебели", просто "неисчислимо количество", она "весьма ценная", "завидная" и "ярко сверкает". Понятно, что перед нами продолжение темы, что обстановка является предметом гордости Радости и ему приятно признаться, что кто-то с завистью может смотреть на нее. Что это именно за мебель, Радость не говорит, а Разум упоминает сундуки, которыми хозяева "постоянно любят". Речь идет, скорее всего, об одной из самых модных и престижных в эпоху Ренессанса вещей – свадебных сундуках. Их делали из лучших пород дерева, их расписывали лучшие художники, вплоть до Боттичелли, сценами из историй святых, рыцарской жизни, городскими или куртуазными светскими сценами [12]. Это были подлинные произведения прикладного искусства, лучшая часть которых ныне хранится в разных музеях Италии и других стран. Есть такой и в Музее Искусств Киева. Сундуки становились искусством в домашнем интерьере.

В другом диалоге упоминаются еще большая диковина: золотые столы, украшенные камнями, "на-

подобие алтарей в храмах" [13]. Заметим попутно: богатые люди позволяют теперь себе то, что раньше было даром Богу и украшением собора как Дома божьего. Теперь такое становится украшением жилища, подарком самим себе.

Разум реагирует на заявления Радости примерно так же, как в разговоре о домах. И делает к тому же точное наблюдение за характером престижного потребления: "эти сундуки, столь дорогие теперь, станут дешевыми, и постоянное любованье ими перестанет вызывать у тебя восхищение, если для тебя выставят другие, более дорогие". Подобные замечания присутствуют почти в каждом из рассматриваемых текстов.

Более того, в его слова добавляется новая, сатирическая нота: о хлопотности ухода за мебелью, о пауках и ржавчине, чаде и пыли, мышах и моли. Теперь мы обнаруживаем "смену регистра" в сторону снижения уровня и пафоса разговора. Из него уходит эстетическая, эмоциональная социально-престижная составляющие: все это гаснет под потоком резких слов, вырывающихся из уст резонера. Этический "приговор", который в данном случае произносится в середине беседы, остается при этом прежним по духу: "Если ты поймешь настоящую цену таких богатствам, начнешь относиться к ним с презрением – то это, наконец, и будет началом истинного пути к истинным богатствам".

В очень резкой тональности выдержан разговор о сосудах из драгоценных камней и коринфских дорогих вазах. Радость признается, что и то, и другое его радует, волнует, восхищает, что он и тем, и другим наслаждается. Радость выказывает прямо-таки чувственное восприятие этих вещей, близких по характеру, как мы понимаем, к произведениям прикладного искусства. Он мечтательно добавляет, что "очень славно пить из драгоценных бокалов", то есть находит дополнительное удовольствие в обиходном прикосновении к красивому и дорогому.

Разум словно и не слышит этих слов, не замечает эмоций, не разделяет чувств. Он усматривает во всем "гордыню" (слово повторяется многократно на протяжении диалогов), "крайнюю степень честолюбия", алчность, надменность, стремление "выделяться роскошью". Иными словами, для гуманиста в стремлении к обладанию дорогими вещами нет эстетической составляющей, проявления хорошего вкуса и следования хорошему тону. Впрочем, он бросает такую фразу в диалоге "О бокалах из драгоценных камней" (XXXVIII): "стало хорошим тоном выделяться роскошью". Получается, что часть богатых людей делает подобные приобретения напоказ, что здесь играют роль только представления их круга о престижности и демонстрации возможностей. Вкус оказывается на заднем плане, на первом – желание подчеркнуть свое отличие от большинства. Не имеет ли в виду в таком случае наш автор тех "новых" богатых людей, которые во времена написания трактата активно наступали на пятки "старым" купеческо-патрицианским группам, но пока еще, насколько можно понять, не обвыклись с роскошью как повседневностью.

Разум-Петрарка в диалогах о драгоценностях и вазах настойчиво подчеркивает, что большое богатство редко добывается и приумножается чистыми руками, что за ним стоят "ложь и грязь", и, конечно, утрата добродетели.

В названном выше диалоге Разум вновь словно бы переходит на язык христианской проповеди, обвиняя тех, кто ценит "богатство и наслаждение" как высшее благо, в смертных грехах. И не в каком-то одном, а сразу в нескольких. Из известного списка он называет четыре:

алчность, роскошь, тщеславие, гордыню. "Каждое из этих качеств, – гремит словно с кафедры проповедника голос Разума, – по отдельности бушует в вас, а главную роль, как сказано, играет гордыня". Во второй книге гуманист посвятит семи смертным грехам семь же специальных диалогов, но по накалу они, пожалуй, уступают диалогам между Радостью и Разумом в рассматриваемых "эстетических" текстах. Правда, Петрарка при рассуждении на самую христианскую тему обходится без ссылок на богословов. Он "забывает" также о необходимости призвать к покаянию как средству одоления смертных грехов. Что есть покаяние, писали все средневековые авторы во времена Петрарки; флорентийский доминиканец Пассаванти посвятил этой теме специальный трактат – "Зерцало истинного покаяния".

И еще одно: сквозь строки проступает, что пришла иная жизнь, в которой возможно стать богатым, даже очень богатым. Богатство видится важной составной частью реальной жизни реальной семьи. Так не город ли с его новыми понятиями о богатстве, с его неистовой погоней за новыми и новыми доходами, прибылями и рынками заставляет Петрарку увидеть в алчности "мать всех пороков", которую можно утолить только золотом, а в гордыне – вовсе неумную и ничем не утешаемую жажду?

Петрарке-Разуму погоня за богатствами и предметами роскоши кажется свойством низкой души. В рассматриваемых диалогах он скуп на цитаты, но в других постоянно указывает на авторитетные мнения, осуждающие эту погоню, выстраивая в один ряд Аристотеля, Экклесиаста, Цицерона, Сенеку.

Пожалуй, противоречивей всего позиция Петрарки выглядит в диалоге "О картинах". Он забывает в нем о богатстве и деньгах, престиже и роскоши. Да и адресуется в основном к "образованным умам", к которым в восхищении картинами "присоединяется и толпа". Кажется бы, здесь можно только блажелательно присоединиться к эмоциональным репликам Радости, что он "восхищается картинами". Разум же окатывает его раз за разом холодным ушатом воды: "Пустое восхищение!". Главный аргумент – что за картинами забывают "Творца природы, солнца и луны", т.е. великую красоту природы, им сотворенную.

Но мы обязаны остановить свое внимание: люди эпохи Петрарки, судя по диалогу, открыли для себя светское искусство, красоту живописи, увлекаются и разбираются в ней. Прислушиваются к мнению искусственных лиц и учатся формулировать свое понимание и восхищение. Новые эстетические ориентиры именно через живопись и скульптуру, судя по всему, всего решительней утверждают свое право на жизнь. И крити-

ческие замечания Разума- Петрарки это лучше всего обнаруживают.

Если окинуть теперь диалоги единым взглядом, можно увидеть, что они выразительно констатируют формирование эстетической составляющей, тяготение к красоте как важную часть культурной жизни разных групп итальянского общества времени Петрарки – от самых знатных и богатых до просто образованных и даже "толпы". При этом Петрарка вплетает в ткань разговора социальные и повседневные мотивы, светские гуманистические суждения, что позволяет и данные диалоги рассматривать как свидетельства рождающихся новых представлений о человеке.

1. См.: Petrarch and the European Lyric Tradition. *Annali d'Italianistica*. / Ed. by D. Cervigni. Chapel Hill, 2004. Vol. 22. – 563 p.; Petrarcha e il Padri della Chiesa. Petrarcha e Arezzo. Firenze, 2004. – 382 p.; Petrarcha politico: atti del Convegno: Roma-Arezzo, 19-20 marzo 2004. Roma, 2006. – 191 p. В России этому событию были посвящены два издания: Петрарка в русской литературе. Кн.1-2. М., 2006. – 244 с.; 446 с.; Франческо Петрарка и европейская культура / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2007. – 256 с. Последний сборник вобрал в себя материалы конференции, прошедшей в России в связи с юбилеем Петрарки. Среди его публикаций интерес для нашей темы представляют статьи В.М. Володарского, Дж. Креватин, Г.П. Мельникова. 2. Специально латинским трудом Петрарки был посвящен "юбилейный", 16-й по счету, конгресс (2004 г.) – См.: Francesco Petrarca: L'opera Latina: tradizione e fortuna. Atti del XVI Convegno internazionale (Chianchano-Pienza, 19-22 luglio 2004) / A cura di Luisa Secchi Tarugi. Firenze, 2006. – 772 p. Очень интересным для понимания культурных судеб наследия поэта и гуманиста является том "Петрарка и европейская культура". – См.: Petrarcha e la cultura europea / A cura di Luisa Secchi Tarugi. Milano, 1997. – 374 p. Том открывается большой статьей П. Кристеллера (1983), посвященной анализу историографии Петрарки первой половины-середины XX в. 3. См. например: Pacca V. Sulla concezione petrarchesca della fortuna // *Intersezione*, XXIII, 1, 2003. P. 5-24; Anselmi G.M. Petrarcha e l'etica laica della sagezza Rinascimentale // *Italianistica*, 33(2), 2004. P. 125-131; Laurdens, P. Un aspect de la fortune du De remediis de Petrarque en Europe du Nord: de l'illustration a la mise en emblems // *Francesco Petrarca da Padova all'Europa*. Roma-Padova, 2007. P.233-249. 4. См.: Petrarque F. Les remedes aux deux fortune / Texte et trad. par. Ch. Carraud. Paris, 2002. Voll.1-2: 1167 p.; 803 p. 5. Tognon G. Le bonheur à l'âge moderne: Pétrarque et la "lectio mundana" // *Petrarque Fr. Les remedes aux deux....* Vol.2. P.7-18; Carraud Ch. Introduction // *Ibid*.P.19-94. 6. Carraud Ch. Notes du livre I // *Ibid*.P.143-157; Carraud Ch. Notes du livre II // *Ibid*.P.399-417. 7. Petrarcha Fr. De remediis utriusque fortunae, l,34 "De magnificentia aedium" // *Petrarque F. Les remedes aux deux fortune*. Vol.1. P. 170-172. Римская цифра после названия трактата означает номер книги, арабская, идущая вслед, – диалога. 8. *Ibid*, l, 36 "De supellectili preciose". P. 176-178. 9. *Ibid*, l, 42 "De vasis Corinthiis". P. 210-214. 10. *Ibid*, l, 37 "De gemmis"; l,38 "De gemmarum poculis"; l,39 "De gemmarum signis" P. 178-201. 11. *Ibid*, l,40 "De tabulis pictis"; l,41 "De statuis". P. 202-210. 12. Стоит напомнить об одном из знаменитых сундуков, расписанном, правда, в 15 в. (1450) братом знаменитого художника Мазаччо. Сундук принадлежал семейству Адимари. (Ныне-в Галерее Академии во Флоренции). Почти три метра длиной и более полуметра шириной, он украшен сценами из жизни флорентийской улицы, в том числе- картиной свадебного шествия. 13. Petrarcha Fr. De remediis utriusque fortunae, l,38. P. 196.

Надійшла до редколегії 18.01.11

П. Донецкий, асп.

ЕПИСКОП ГОДРИ: ЭТАПЫ ЦЕРКОВНОЙ КАРЬЕРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ "АВТОБИОГРАФИИ" ГВИБЕРТА НОЖАНСКОГО)

В статье на конкретном материале исследуется один из ключевых вопросов в истории церкви XII века: обстоятельства избрания духовного лица по имени Годри на епископское место в городе Лане, в том числе- роль светской власти и степень соблюдения правил канонического избрания.

In the article one of the key issues in the history of the church of XII century is investigated on a particular material: the circumstances of the election of a spiritual person by name Gaudreau on the episcopal seat in the city of Laon, including, the role of secular authority and the degree of compliance with the rules of canon election.

Вопросы, связанные с внутренней жизнью церкви, в том числе и в эпоху реформ и переломов, падающую на рубеж 11-12 столетий, изучены далеко недостаточно [9-10]. На русском языке существует вообще лишь несколько работ [2-8]. И, наконец, историки почти не за-

нимались локальной историей официальной церкви, как истории людей, отдельных личностей. В любом случае, имя интересующего нас епископа Годри известно лишь в связи с коммунальными событиями во французском городе Лане.